
Русский мир. Философские рамки понимания проблемы*

© 2021 г. В.Д. Попков

*Институт социальных исследований и аналитики,
Калуга, 248003, ул. Никитина, д. 40/45 – 5.*

E-mail: v-831p@yandex.ru

Поступила 18.03.2021

В статье рассматриваются современные подходы к пониманию социально-философских основ концепции Русского мира, получившей широкий резонанс в научных и политических кругах российского общества в последние годы. Делается вывод, что современные подходы к пониманию концепта Русского мира аккумулируют в себе, прежде всего, социально-философские и социологические теории, берущие свои корни в западноевропейской философской традиции. Предлагается подход, позволяющий подойти к пониманию метафизического осмысления Русского мира, как религиозной идеи, с опорой на русскую философскую традицию. Выдвигается позиция, что в основе концепта Русского мира может лежать православная этика взаимодействий, формирующая особую реальность вокруг носителей идеи Русского мира на уровне их повседневных практик и определяющая их образ мыслей, вне зависимости от религиозных и мировоззренческих установок. Развивается гипотеза о том, что принятие православной религиозной базы для сторонников концепта Русского мира не означает обязательного следования данной религиозной догматике всеми участниками взаимодействия.

Ключевые слова: Русский мир, мировоззрение, транснационализм, диаспора, цивилизация, православная этика.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-27-37

Цитирование. *Попков В.Д.* Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 27–37.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 14-13-40005 а(р) и Фонда имени Александра Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

Russian World. Philosophic Viewpoint*

© 2021 Viacheslav D. Popkov

*Institute of Social Research Works and Analytics,
40/49 – 5, Nikitina str., Kaluga, 248003, Russian Federation.*

E-mail: v-831p@yandex.ru

Received 18.03.2021

The article considers some modern approaches to understanding social-philosophic basis for Russian World theory. The author gives a conclusion that modern approaches to understanding this concept and this phenomenon accumulating mostly social-philosophic and sociological theories take their roots in western European tradition. The article presents an approach to understand metaphysical view of the Russian World as a religious idea basing on Russian philosophic tradition. It also deals with the position that the basis for the concept of the Russian World finds itself in the Orthodox ethics of interactions forming a specific reality for the bearers of such an idea in their everyday practices and determining their way of thinking notwithstanding their religious and philosophic positions. The author assumes that having accepted the Orthodox religious basis for the supporters of the concept of the Russian World does not necessarily mean following this religious dogmatics by all participants of such an interaction.

Keywords: Russian World, worldview, transnationalism, Diaspora, civilization, Orthodox ethics.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-27-37

Citation: Popkov, Viacheslav D. (2021) "Russian World. Philosophic Viewpoint", *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2021), pp. 27–37.

Введение в проблему

В течение последних трех десятилетий после распада СССР на постсоветском пространстве шел процесс формирования новых государственных, этнических и культурных образований, построенных на идее отрицания советской идентичности и советского культурного наследия. В странах ближнего зарубежья этот процесс сопровождался «отталкиванием» от России и негативной оценкой всего советского периода в исторической памяти участников новых социумов. Предпринималась попытка формирования новых культурных смыслов и поведенческих ориентиров для различных частей бывших советских граждан, связанных ранее едиными культурными практиками. Культурная идентичность приобрела значение ресурса, который может быть задействован различными политическими силами как для стабилизации постсоветских обществ, так и для их дестабилизации. На всем постсоветском пространстве (и не только) ярко стала проявляться актуализация этнических и религиозных идентичностей, с опорой на мировоззренческие базы, господствующие в современном глобальном мире (прежде всего в США и ряде западноевропейских стран). Это привело к развитию

* The research work was carried out under the support of the following Foundations: Russian Humanitarian Scientific Foundation. Project number № 14-13-40005 a(p) Alexander von Humboldt Foundation (Alexander von Humboldt Stiftung).

новых моделей общественных отношений и существенно повлияло на ценностные системы постсоветских социумов, изменив формы культурных практик и базовые алгоритмы восприятия собственной истории и направлений развития.

В этой связи, в ситуации глобальных взаимодействий и непрерывного расширения транснациональных миграционных сообществ, влияние фактора других мировоззрений и культурных практик на процесс формирования идентичностей на постсоветском пространстве, на фокус видения и оценку исторических событий, а также перспектив будущего развития постсоветских обществ трудно переоценить. Возможности глобального общества транслировать свои социальные установки, стиль жизни и культурные практики во все уголки земного шара выводят на первый план не экономические или политические преимущества, на которых делается акцент в сегодняшних постсоветских обществах, а наличие мировоззренческих основ, способных стать конкурентным философским основанием современным мировоззрениям глобализации. Основным вызовом, с которым приходится сталкиваться российскому социуму, становится проблема оформления его мировоззренческих оснований в инструментальном плане, позволяющих транслировать образ мыслей и способ понимания мира как внутри себя, так и на внешнюю аудиторию.

Одним из направлений, в рамках которого предпринимаются попытки оформления мировоззренческой базы, переосмысления исторической миссии России, диктуемой ее внутренней логикой, стала идея Русского мира. Данный концепт часто дискутируется сегодня как политиками, так и исследователями. Разброс позиций о том, что собой представляет Русский мир, о его сущностных характеристиках очень широк. Основной упор делается на русский язык, (советскую) культуру и ее носителей, образующих транграничные сообщества русскоязычных по всему миру. В то же время вопросы о том, какое мировоззрение лежит в основе Русского мира, определяющее культурные, поведенческие практики его участников, какие ценности включает данный концепт, недостаточно звучат в современных дискуссиях. В этой связи, целью предлагаемой статьи является попытка критически рассмотреть некоторые подходы к пониманию концепта «Русский мир» и попытаться очертить его базовые философские основания.

Русский мир: диаспора, культура, цивилизация? Обзор некоторых подходов

Чаще всего Русский мир рассматривается исследователями как основа для самого широкого понимания всех русскоязычных групп за пределами современной России. В этом случае для объяснения данного феномена авторы прибегают к понятию диаспоры и/или (транснациональных) миграционных сообществ. Одним из отправных пунктов понимания Русского мира, как рассеяния, считается сравнительно недавняя идея Петра Щедровицкого, который предположил, что «в течение XX в. под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций, на планете сложился Русский мир – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли половина населения Русского мира» [Щедровицкий web]. Считается, что именно в трактовке Петра Щедровицкого данное направление понимания феномена Русского мира как геополитически значимого глобального рассеяния получила широкий резонанс и начала активно разрабатываться другими авторами [Градировский, Межуев web; Пивовар 2010; Цымбурский web; Тишков web]. Например, Ефим Пивовар полагает, что, «говоря о русском мире, обычно подразумевают ту его часть, которая существует вне географических границ России и совпадает с традиционными представлениями о российском зарубежье и зарубежной России» [Пивовар 2010, 167]. В ряде случаев начало формирования Русского мира связывается с белой эмиграцией из России после 1917 г. «Именно эта эмиграция-диаспора вобрала в себя <...> характеристики русского мира (язык, православие, идентичность),

в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвращается в Россию» [Тишков web]. В данном случае, автор полагает, что сама идея Русского мира уже имела своих носителей еще в прошлом веке. Тем не менее подчеркивается, что применительно к сегодняшним реалиям, «концепт под названием “Русский мир” появился в отечественном политическом и научном языке сравнительно недавно. В банальном академическом плане речь идет о феномене российской диаспоры, актуализировавшейся в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России» [Тишков web].

Можно видеть, что в данном случае Русский мир рассматривается как диаспора, с присущей ей сетевой структурой горизонтальных взаимодействий. Теоретически диаспорная модель достаточно подробно разработана и описывается целым рядом исследователей [Tölölyan 1996; Safran 1999; Vauböck 2012]. Тем не менее проблема видится гораздо шире, нежели явление диаспоры, имеющее, вне сомнения, глобальный характер.

Вероятно, поэтому в ряде случаев Русский мир определяется с привлечением концептов культуры и/или цивилизации [Батанова 2009; Никонов web; Панарин 2014; Полоскова, Скринник 2003]. Здесь упоминается целый ряд характеристик Русского мира, которые, по мнению авторов, и оформляют данный феномен как особое и отличающееся от других явление. Например, Ольга Батанова видит в Русском мире «глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья <...>» [Батанова 2009, 14–15]. Другие авторы предполагают, что «Русский мир сегодня – это Россия, плюс русские (русскоязычные) в ближнем зарубежье (страны СНГ и Балтии), плюс русские (русскоязычные) в дальнем зарубежье, сохраняющие историческую память и не прерывающие связи с исторической родиной. Это соотечественники по сути» [Иванов, Сергеев 2008, 6]. Екатерина Пенькова определяет Русский мир «как социокультурную общность людей, объединенную определенным набором консолидирующих факторов. К числу объективных факторов относятся: принадлежность к этнической группе “русские”; знание русского языка, свободное владение им; знание истории и русской культуры. Субъективными факторами принадлежности к Русскому миру являются: самоидентификация с русским миром, чувство сопричастности к русской истории, культуре, разделяемым нормам и ценностям, готовность их трансляции в пространственно-временном континууме; толерантность; историческая память; чувство солидарности, стремление к объединению представителей любой этнической принадлежности на базе фундаментальных ценностей» [Пенькова 2012, 11].

Общим местом в данных рассуждениях является выдвигаемое исследователями предположение о существовании в мире мощного человеческого ресурса, который, как считается, имеет (какое-то) отношение к современной России. «Ключевой момент понимания состоял в том, что в границах России и за ее пределами проживает одинаковое число русских людей, говорящих и думающих на русском языке, что, несомненно, представляет собой потенциально объединенный (либо объединяемый) социум» [Полоскова, Скринник 2003, 40]. Основу потенциального или даже фактического объединения многие авторы видят в основном в русском языке и культурно-ценностных основах, которые должны транслироваться участниками Русского мира и которые являются его главными содержательными аспектами. «Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир» [Тишков web]. Татьяна Полоскова и Виталий Скринник подчеркивают, что «Русский мир станет реальностью, если будет обеспечиваться воспроизводство носителей его ценностей и норм. Причем не только в диаспоральной среде, хотя там проблема отсутствия преемственности видна наиболее зримо» [Там же, 46].

Можно видеть, что проблема содержательного наполнения термина «Русский мир» очень значима и предполагает работу с целым спектром значений, таких как «русское зарубежье», «русскоязычные», «культура», «диаспора» и т.д. Например, Валерий

Тишков для описания феномена «Русского мира» разделяет его на «старый русский мир» и «новый русский мир» [Тишков web]. Многие авторы вводят еще один новый термин – «русскость» (например: [Полоскова, Скринник 2003; Батанова 2009; Мосейкина 2012]). Причем в «русскости» видится, как правило, не этничность, а «духовный стержень» [Батанова 2009, 15], или «духовность на фоне сохранения таких изначальных консолидирующих факторов, как культура и язык» [Мосейкина 2012, 10].

Несмотря на видимые различия в позициях исследователей, можно выделить четыре основных пункта, относительно которых авторы придерживаются схожих подходов к пониманию Русского мира.

Во-первых, многие исследователи констатируют факт существования Русского мира, несмотря на отсутствие четкой дефиниции термина и разночтений его содержания. То есть, Русский мир в данном случае, скорее понимается как «проект <...>, мало обеспеченный в теоретическом плане» [Скринник web], контуры которого авторы лишь предлагают очертить, а не как хорошо известная реальность. Более того, речь часто идет о конструировании Русского мира, причем основы конструкта дискутируются. Фактически концепт Русского мира видится как проект-намерение, относительно содержательной стороны которого ведутся острые дискуссии. Причем целью данного проекта является расширение и поддержка русскоязычного пространства в мире в языковом смысле, в течение какого-то времени.

Как следствие, во-вторых, многие авторы отмечают возросший интерес российского государства к русскоязычному населению в других странах. Причем в отличие от весьма «специфического отношения» к своим эмигрантам, существовавшим во времена СССР, нынешнее российское руководство нацелено на активное сотрудничество с русскоязычными группами с учетом, прежде всего, своих собственных интересов. В этой связи Русский мир выступает как инструмент политики в отношении русскоязычных за пределами РФ. Как отмечают некоторые авторы, «идея “Русского мира”, объединяющего зарубежных соотечественников с населением России, выступает сегодня доктринальной основой государственного взаимодействия с российскими соотечественниками за рубежом» [Чепиницкая 2012, 4]. Действительно, Русский мир обычно связывается с концептом соотечественников, которые чаще всего понимаются как ресурс Российского государства в различных областях (например, демографической политики, культурной политики России за рубежом, как возможность для построения имиджа государства и т.д.), который можно использовать. Причем оба концепта видятся в данном ракурсе как прикладной инструмент практической политики России по отношению к русскоязычным за пределами РФ. Предполагается, что в результате этой политики конструируются особые (пересекающие границы национальных государств) транснациональные группы, члены которых могут обладать множественной лояльностью. Причем речь идет не только о политической лояльности, но, в первую очередь, о культурной лояльности и «культурном гражданстве» [Rosaldo 1994] участников Русского мира. Это становится особенно заметным, когда для «оформления» и понимания разных групп соотечественников, используется (культурная) лояльность к уже несуществующим государствам – СССР и Российской империи, что четко прослеживается в Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». В конечном итоге, через (объединяющий) концепт Русского мира, русскоязычные группы связываются с культурной и, в ряде случаев, с политической лояльностью к реальному государству – Российской Федерации.

В-третьих, важно отметить отсутствие попыток исследователей отделить термин «Русский мир» от смежных понятий, уже существующих в данной области. Например, таких как «диаспора», «цивилизация», «транснациональные пространства», «русскоязычные» и т.д. Тем более что основные способы понимания Русского мира предлагаются как раз через известные подходы теории цивилизаций, диаспоры и/или транснационализма, подчеркивая его «трансграничный» характер [Яковлева 2011, 271].

В-четвертых, при прочтении ряда работ создается впечатление, что данный концепт претендует на статус философской базы для самого широкого понимания всех

имеющихся на планете русскоязычных рассеяний. В этом случае Русский мир перестает быть просто инструментом политики, а, наоборот, становится доктринальной основой ее формирования. Однако данному направлению понимания концепта исследователями не уделяется достаточного внимания, поэтому и «точки роста» Русского мира обозначаются во многих работах не внутри России и российского социума, а вовне его, подчеркивая транснациональный, диаспоральный, цивилизационный и т.д. характер концепта.

Думается, что основная слабость приведенных подходов к пониманию Русского мира в том, что позиции авторов сводятся к тому, чтобы интерпретировать Русский мир как определенный инструмент для консолидации русскоязычных групп, который, кроме того, направлен вовне и существует за рамками российского социума. Причем рассуждения строятся в основном с опорой на методологию теорий диаспоры и транснационализма в социологии миграций. В итоге мы получаем понимание Русского мира как «сетевой структуры», «диаспоры», «культурно-цивилизационного феномена» и т.д.

Нетрудно заметить, что чаще всего речь идет о форме, о структуре, о границах Русского мира и количестве его участников. При этом содержательной составляющей проблемы не уделяется достаточного внимания. Вопросы о том, какое мировоззрение, какую идею несет в себе Русский мир, что может он предложить своим потенциальным участникам, почему концепт Русского мира может быть более привлекательным, чем, например, концепты «Американской мечты», «Еврейской Алии» или «Европейского дома», не ставятся. Между тем именно формулировка содержательных характеристик Русского мира способна дать наполнение данному концепту и сделать его действенным.

Думается, что именно поэтому концепт Русского мира, описанный в приведенных подходах, остается в известном методологическом кластере и в дальнейшем разрабатывается в его рамках как прикладной инструмент политики Российского государства. Данные подходы достаточно универсальны, и на их основе можно разрабатывать концепции не только Русского мира, но и любого другого. Например, Еврейского мира, Армянского мира, Греческого мира и т.д., благо в исследовательском плане в данном направлении накоплен большой опыт, выражающийся, прежде всего, в изучении диаспор и транснациональных сетей связей [Basch, Glick Schiller, Szanton-Blanc 2003; Faist 2000; Pries 2008; Cohen 1997] и др. В данном случае это означает, что сама идея Русского мира, если ее понимать в предложенных методологических рамках, выстраивается по уже существующим моделям других «миров», берущих свои корни в западно-европейской философской традиции [Тойнби 2002; Хантингтон 1994] и др. В этих рамках она становится «одной из»; не может считаться абсолютно новой и претендовать на эксклюзивность среди целого спектра подобных проектов других национальных государств, пока в нее не будет вложено оригинальное содержание.

Русский мир. Попытка метафизического осмысления концепта

Анализируя содержание сегодняшних теоретических дискуссий на тему обоснования философской базы Русского мира, нетрудно заметить, что в их основе (за некоторыми исключениями) лежат современные социально-политические теории, опирающиеся на позитивистскую традицию в философии. Поэтому, если придерживаться этого направления для содержательного наполнения идеи и строя дальнейшие рассуждения в таком ключе, нам придется размещать Русский мир (его возникновение и функционирование) в позитивистской методологии. В конечном итоге это приведет нас к привлечению уже известных теоретических моделей, например, таких, как теории диаспор, цивилизаций, транснациональных пространств и других миграционных сообществ, признав тем самым Русский мир как совершенно обычное и в методологическом плане не отличающееся от других сообщество индивидов. Безусловно, мы найдем множество признаков, по которым Русский мир в рамках позитивистского понимания данного феномена (например, как диаспора) будет отличаться от Еврейского

мира (как диаспоры), Армянского мира или какого-то еще. Во многих исследованиях, не без основания, как раз и прослеживается именно такая линия.

Но если попытаться уйти от «философии науки» и подойти к пониманию Русского мира как, например, некоей религиозной идеи, которая, в конечном итоге, формирует реальность не только его участников, но и окружения, создавая определенные поведенческие модели, то мы увидим совершенно иную картину. Например, это отмечается в работах русского философа Константина Зайцева. Определяя Русский мир, он писал так: «Что же такое этот русский “мир”? Формально познавательно его не определишь, ибо обнаруживается здесь тайна верующей души, налагающая благодатную печать и на явления общественные, из нее рождаемые. Где двое или трое собраны во имя Господа – Он среди них. Так сказал Господь, и уверовал в это русский человек. Так и видит он всякое объединение людей “русской” веры. Это и есть “мир”. Связано это явление с землей, как с главным источником существования наших предков, но по существу “мир” – везде, будь то артель, казачий курень или торговая сотня: деловое нераздельно сочетается со святым. “Деловым” для Москвы было неизменно ответственное распределение обязанностей и наблюдение за выполнением их. “Община”, и как слово и как понятие, кабинетная выдумка. Ни “ртов” (потребительское начало), ни уравниловки исконный “мир” не знает. Деловая природа “мира” – солидарная ответственность за правильное несение тягла. Но за этой тягостной прозой неизменно стоит иное, носящее печать святости и уводящее от трезвой нужной прозы – в даль и ввысь» [Зайцев 2010, 252–253].

Как видно, философ считает Русский мир религиозной категорией, полагая, что именно религиозное мировоззрение и определяет «явления общественные» и границу «мира». Для нас это важно отметить, поскольку отсюда следует тезис о непосредственном влиянии мировоззрения Русского мира на повседневные интеракции всех его участников, на что и указывает автор.

Следует сказать, что такая позиция характерна не только для Константина Зайцева. Целая плеяда русских философов видит в Русском мире (Русской идее) религиозную подоплеку. Но насколько это пригодно сейчас, в секуляризованном российском обществе? Означает ли это, что нерелигиозные (по сути, атеистические) группы бывших советских граждан выпадают из этого мировоззрения?

Думается, что нет. Дело в том, что атеистическое мировоззрение не самодостаточно, а зависит от той конкретной религии, которую оно отрицает, то есть является ее функцией. Это означает «вторичность» атеизма по отношению к религии. Поэтому вероятность возникновения «универсального» атеиста стремится к нулю, так как обычно отрицаются те представления о религии, которые являлись доминирующими в рамках пройденной социализации. Таким образом, речь идет не просто об атеистах в «чистом виде», а об атеистах, отрицающих то или иное религиозное мировоззрение, но использующих в повседневном поведении культурные практики и мыслительные образцы, возникшие в результате редукции основ данного мировоззрения на уровень повседневных действий. Таким образом мы получаем атеистов «от православия», «от протестантизма», «от иудаизма» и т.д., которые, несмотря на кажущееся общим «зерно атеизма», демонстрируют разные поведенческие образцы и образ мысли, которые обычно объясняются этничностью и/или культурой. При этом за скобками остается тот факт, что религиозные догматы, несмотря на их отрицание, оказывают определяющее влияние на формирование устойчивых поведенческих образцов и образа мысли, поскольку «отрицающие индивиды» вынуждены всегда использовать их в качестве «точки отталкивания» (и отсчета). Примером такого рода может служить «Еврейский мир», в основе которого, как известно, лежит как раз религиозная составляющая, которая на нижних уровнях «вырождается» в простую и понятную для всех участников этого мира идеологию. С этой позиции, государство Израиль (со всеми его светскими атрибутами и атеистическими мигрантами из стран бывшего СССР), как и еврейская диаспора, с ее многочисленными общинами в разных странах, является продуктом Еврейского мира.

Рассматриваемый случай лежит в такой же плоскости. А именно в основу Русского мира можно положить религиозное мировоззрение, которое и будет определять (на более низком уровне) формальную идеологию и образцы поведения его участников.

Религиозная база Русского мира не подразумевает прямое следование религиозной догматике для всех его участников; достаточно и ее отрицания. Важным становится само наличие четко оформленного отрицаемого начала, которое опирается на религиозные ориентиры оценки взаимодействий индивидов и составляет философское ядро Русского мира.

Здесь намеренно опускался вопрос о том, какая именно религия должна лежать в основе Русского мира, поскольку важным было показать, что его онтологические начала могут базироваться не только на позитивистской традиции, что сегодня считается естественным для многих исследователей, но и быть религиозными. Однако рано или поздно нам придется столкнуться с этим вопросом, поскольку в российском обществе речь обычно идет о нескольких «традиционных» для России религиях, каждая из которых, казалось бы, в состоянии в равной степени претендовать на роль мировоззренческой базы (что теоретически верно и политически корректно), способной стать основой для Русского мира.

Однако если принять во внимание, что Русский мир все последние столетия формировался на основе одной и той же доминирующей в Российской империи государствообразующей религии и учитывая, что в СССР государственная политика атеизма вращалась в основном вокруг отрицания все той же самой религии, то выбор окажется невелик. А если вдобавок обратить внимание на исходную базу обширного философского наследия, оставленного русскими религиозными мыслителями двух последних веков, то вектор понимания и трактовки мировоззренческих основ Русского мира покажется просто предельным.

Действительно, православие как понимание мира и православная этика как следствие соответствующих онтологических построений во многом определяли и до сих пор продолжают определять поведенческие образцы в российском социуме, несмотря на фактическое доминирование в нем атеистов «от православия», сторонников других религий и атеистов от них, как и мощные вкрапления советских культурных образцов.

Следует особо подчеркнуть, что речь не идет о навязывании православных канон веры всем потенциальным участникам Русского мира, а лишь о том, что в основе мировоззренческой базы Русского мира может лежать православие, определяющее и формирующее его структуру. При этом признание и следование догматам православия вовсе не обязательно для всех его участников. Это означает, что на уровне повседневных взаимодействий участники Русского мира могут вообще не иметь никаких дел с православной религиозной жизнью. Речь идет о формировании поведенческих образцов, установок, идеологических конструкций, этики взаимодействий, которые возникают как результат некоторых онтологических обстоятельств, имеющих православную природу. Таким образом, Русский мир остается потенциально открытым для представителей всех конфессий, от которых требуется не православная религиозная ориентация, а определенная этика взаимодействий, которая на уровне повседневных интеракций будет не только не противоречить, но и лежать в русле их религий. Понятно, что на уровне догматики такие совпадения уже невозможны, поэтому взаимодействие может состояться только в том случае, если потенциальные участники Русского мира не стремятся разрушить его православную догматическую основу (то есть изнутри).

Из вышеизложенного рассуждения следует, что Русский мир понимается не как этническая или расовая категория. Как видно, это и не научная категория. Он также не является категорией (гео)политической в том смысле, что не может служить политическим «приложением» того или иного государства (в данном случае России). Более того, Русский мир (как мировоззрение) и Россия (как государственный тип социального устройства) являются независимыми друг от друга концептами, которые могут даже не пересекаться между собой. В рамках этой конструкции Россия (как государство)

может оставаться за рамками Русского мира, если российский социум отвергает его миропонимание. В этом случае Русский мир существует как религиозно-философская доктрина без ее политического воплощения в (русском) государстве, опираясь на любые образования, находящиеся вне рамок концепта политического государства. Это, например, могут быть транснациональные миграционные сообщества, или диаспоры. Примером существования Русского мира вне России являлось Русское зарубежье, которое возникло как результат отказа части российского социума от базовых мировоззренческих установок Русского мира после событий октября 1917 г. То есть Русский мир может строиться не только на базе российской государственности, но и на базе других государственных (и иных) образований. В этом смысле Русский мир является самодостаточным уникальным явлением, способным выполнять функцию глобального (внегосударственного) социального института по формированию мировоззренческих основ и идентичностей его участников. Важным является то, что, принимая для себя идею Русского мира, Россия (как государство) при построении идентичности своих граждан не нуждается в поиске «точек отталкивания», сравнения (и отсчета) от других мировоззрений и (гео)политических образований, транслирующих данные мировоззрения.

Резюмируя, можно сказать, что Русский мир это не диаспора и не цивилизация, не транснациональные сети мигрантов и не совокупность каких-либо индивидов, объединенных какими-то кажущимися или реальными общими характеристиками. Русский мир – это не индивиды. Русский мир – это мировоззрение и образ мыслей; он не материален. Материальны его носители, которые на основе особого видения реальности создают свои социальные институты и свой оригинальный социум не только внутри каких-то государств, но и вовне их, игнорируя при этом (не сознательно, а просто не замечая) государственные границы. Речь также не идет о создании (или конструировании) идеи Русского мира. Она уже существует. Речь идет о возможности применения данной религиозно-философской доктрины для формирования элементов сегодняшних идентичностей российского социума, как внутри России, так и за ее границами. В частности, применяя философию Русского мира для русскоязычных групп вне России и мысля «своих» мигрантов как соотечественников, их невозможно отделять и от самого российского социума поскольку для его значительной части идеи Русского мира также должны иметь определяющее значение. В инструментальном плане это означает, что продвижение идей Русского мира из самой России, на что и должна претендовать национальная политика государства, становится возможным лишь в том случае, если в самом российском социуме сформируется устойчивое ядро носителей идеологии Русского мира, способное транслировать ее и вовне, за пределы русскоязычных рассеяний.

Ссылки – References in Russian

Батанова 2009 – *Батанова О.* Русский мир и проблемы его формирования. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. РАГС при Президенте РФ. М., 2009.

Градировский, Межуев web – *Градировский С., Межуев Б.* Русский мир как объект геокультурного проектирования. URL: http://archipelag.ru/ru_mir/history/history2003/gradirovsky-rusmir/

Зайцев 2010 – *Зайцев К.И.* Историческая Россия // *Зайцев К.И.* Вернуться в Россию. Избранные статьи. М.: Собрание, 2010. С. 224–262.

Иванов, Сергеев 2008 – *Иванов В., Сергеев В.* Русский мир и социальные реалии. М.: Серебряные нити, 2008.

Мосейкина 2012 – *Мосейкина М.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. РУДН. М., 2012.

Никонов web – *Никонов В.* Всемирное и национальное // *Стратегия России.* № 12. URL: www.sr.fondedin.ru

Панарин 2014 – *Панарин А.* Православная цивилизация. Институт русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Пенькова 2012 – *Пенькова Е.* Русский мир как фактор социальной идентификации российской молодежи. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. РГСУ. М., 2012.

Пивовар 2010 – Пивовар Е. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры. X Лихачевские научные чтения / Под ред. Е.И. Пивовара. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 167–170.

Полоскова, Скринник 2003 – Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: мифы и реалии. М.: Московский фонд «Россияне», 2003.

Скринник web – Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. Б: изд. КРСУ, 2008. URL: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=304>

Тишков web – Тишков В. Новый и старый «русский мир». URL: http://ricolor.org/rus/rus_mir/proekt_rusmir/1

Тойнби 2002 – Тойнби А. Постижение истории: Сборник. М.: Айрис-Пресс, 2002.

Хантингтон 1994 – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–57.

Чепиницкая 2012 – Чепиницкая П. Управление в государственном взаимодействии с российскими соотечественниками за рубежом. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук, МГИМО(У). М., 2012.

Щедровицкий web – Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское. Русский мир и Латвия: прошлое – настоящее – будущее // Альманах гуманитарного семинара. Рига. URL: <http://shh.neolain.lv/seminar14/soderzanie.htm>

Цымбурский web – Цымбурский В. «Остров Россия» // Русский архипелаг. URL: http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia

Яковлева 2011 – Яковлева А. Трансграничность как цивилизационная особенность Русского мира // Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А. Гусейнова, А. Кара-Мурзы, А. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011. С. 270–290.

References

Basch, Linda, Glick Schiller, Nina, Szanton Blanc, Cristina (2003) *Nations Unbound. Transnational Projects, Post-colonial Predicaments and Deterritorialized Nation-States*, Routledge, London and New York.

Batanova, Olga N. (2009) *Russian World and Problems of its Formation*, Abstract of Cand. polit. Sc. diss., RAGS, Moscow (in Russian).

Bauböck, Rainer (2012) “Diaspora und Transnationale Demokratie”, Gertraud Auer Borea, Isolde Charim, Hg., *Lebensmodell Diaspora. Über moderne Nomaden*, transcript Verlag, Bielefeld, pp. 19–33.

Chepinitskaya, Polina R. (2012) *Management in the State Interaction with Russian Compatriots Abroad*, Abstract of Cand. Soc. Sc. diss., MGIMO(U), Moscow (in Russian).

Cohen, Robin (1997) *Global Diasporas: An Introduction*, University College of London (UCL) Press, London.

Faist, Thomas (2000) *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces*, Clarendon Press, Oxford.

Gradirovskij, Sergey N., Mezhev, Boris V. (web) *Russian World as an Object of Geo-cultural Design*, URL: http://archipelag.ru/ru_mir/history/history2003/gradirovsky-russmir/ (in Russian).

Huntington, Samuel (web) *The Clash of Civilizations?* URL: <https://www.jstor.org/stable/20045621?seq=1> (Russian Translation).

Ivanov, Vilen N., Sergeev, Vladimir K. (2008) *Russian World and Social Realities*, Serebryanye Niti, Moscow (in Russian).

Moseykina, Marina N. (2012) *Russian Emigration in Latin America in the 1920s–1960s*, Abstract of Doct. Hist. Sc. diss., RUDN, Moscow (in Russian).

Nikonov, Vyacheslav (web) “World and National”, *Strategy of Russia*, URL: www.sr.fondedin.ru (in Russian).

Panarin, Alexandr (2014) *Orthodox Civilization*, Institute of Russian Civilization, Moscow (in Russian).

Penkova, Ekaterina A. (2012) *The Russian World as a Factor in the Social Identification of Russian Youth*, Abstract of Cand. Soc. Sc. diss., RGSU, Moscow (in Russian).

Pivovarov, Efim I. (2010) “Russian Language and the Russian World as Factors of Socio-cultural Dialogue in the Post-Soviet Space”, Pivovarov, Efim I., ed., *Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: the Formation of a Global Culture. X-th Likhachev's Scientific Readings*, SPbGUP, Saint Petersburg, pp. 167–170 (in Russian).

Poloskova, Tatyana, Skrinnik, Vitaly (2003) *The Russian World: Myths and Realities*, Moscow Fund “Russians”, Moscow (in Russian).

Pries, Ludger (2008) *Die Transnationalisierung der sozialen Welt. Sozialräume jenseits von Nationalgesellschaften*. Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main.

Rosaldo, Renato (1994) "Cultural Citizenship and Educational Democracy", *Cultural Anthropology*, Vol. 9 (3), pp. 402–411.

Safran, William (1999) "Comparing Diasporas: A Review Essay", *Diaspora*, Vol. 8 (3), pp. 255–291.

Shchedrovitsky, Pyotr (web) "Russian World and Transnational Russian. Russian World and Latvia: Past – Present – Future", *Almanac Humanitarian Seminar*, URL: <http://shh.neolain.lv/seminar14/soderzanie.htm> (in Russian).

Skrynник, Vitaly (2008 web) *Russia and Foreign Compatriots: the Problems of Consolidation and Integration in the New Political Conditions*, KRSU, Baku, URL: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=304> (in Russian).

Tishkov, Valery (web) *The New and Old "Russian world"*, URL: http://ricolor.org/rus/rus_mir/proekt_rusmir/1 (in Russian).

Tölölyan, Kachig (1996) "Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment", *Diaspora*, Vol. 5 (1), pp. 3–35.

Toynbee, Arnold (1934) *A Study of History*, Oxford University Press, Oxford (Russian Translation).

Tsyburskiy, Vadim (web) "Island of Russia", *Russkiy Archipelag*, URL: http://archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/cymbur/island_russia (in Russian).

Yakovleva, Alexandra (2011) "Cross-borderness as a Civilizational Feature of the Russian World", Huseynov, Abdusalam, Kara-Murza, Alexey, Yakovleva, Alexandra, eds., *The Russian World as a Civilizational Space*, Institute of Philosophy, Moscow, pp. 270–290 (in Russian).

Zaytsev, Konstantin I. (2010) "Historical Russia", Zaytsev, Konstantin I., *Back to Russia. Selected articles*, Sobranie, Moscow, pp. 224–262 (in Russian).

Сведения об авторе

ПОПКОВ Вячеслав Дмитриевич –
доктор социологических наук, доктор философии
(Dr.Phil. Technische Universität Berlin), директор
Института социальных исследований и аналитики
(Калуга).

Author's Information

POPKOV Viacheslav D. –
DSc in Sociology, Ph.D. (TU Berlin),
Director of the Institute of Social Research Works
and Analytics (Kaluga, Russia).